

БОРОВСКАЯ ДРАМА: ОТ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЧАСОВНИ К ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

В.И. Осипов

На протяжении XVIII–XIX вв. старообрядцы г. Боровска старались при всех государственных и синодальных запретах иметь и содержать часовни или молельни для совершения треб (1). Судьба боровской часовни, построенной старообрядцами в первом десятилетии XIX в., как на ладони показывает изменчивую внутреннюю политику государства и Синода в первой половине XIX в. События 1812 г. и либеральная политика Александра I в первые десятилетия XIX в. позволили боровским старообрядцам (по Рогожскому кладбищу) не только построить часовню, но её легализовать и переоборудовать под храм. Не поняв изменившуюся политику при Николае I, они пытались узаконить храм, что не входило в русло официальной политики государства и Синода. В результате этого старообрядческий храм был отобран и передан небольшой группе старообрядцев, перешедших для этой цели в единоверие.

Либеральная политика Александра I в отношении к старообрядческому населению всё-таки имела полицейско-охранительный характер. Так, 26 августа 1811 г. из Особенной канцелярии министра полиции был разослан по губерниям секретный циркуляр за №3 «О старообрядцах» за подписью министра полиции А.Д. Балашова: «По случаю вступивших ко мне некоторых из гг. гражданских губернаторов представлений о находящихся во вверенных им губерниях старообрядцах, я почитаю нужным иметь сведения, сколько в управляемой вами губернии таковых людей, и буде есть, представить мне верную им ведомость с подробным означением имени каждого и каких именно обрядов они придерживаются, дабы из подобных сведений узнать можно было, умножается ли число оных или нет. На будущее же время, Ваше превосходительство, не оставите сведения о всех таковых людях представлять Министерству ежегодно 2 раза, и именно к 1 января и к 1 июля каждого года» (2).

В разосланном 12 сентября 1811 г. дополнении к циркуляру подчёркивалось, что необходимо «предписать чиновникам, чрез коих будете собирать требуемые известия, чтобы они делали то под рукою, отнюдь не причиняя ни-

какого притеснения или неудовольствия жителям», и специально оговаривалось, что при «неудобстве» для старообрядцев поимённой переписи достаточно в специальной описи просто указывать количество мужчин и женщин (3). После вступления на престол Николая I указом от 23 июля 1826 г. все дела и сведения о старообрядцах всей империи были переданы во вновь учреждённое III отделение собственной его императорского величества канцелярии, в Комитет министров и в особый Секретный комитет. Политика в отношении старообрядцев ужесточилась. Тем не менее, количество официальных старообрядцев, проживающих в Боровске и уезде, продолжало оставаться без изменения (см. таблицу). Благодаря их усилиям и был построен (или перестроен из часовни) первый в Боровске старообрядческий храм.

Строительство старообрядческой часовни в Боровске имеет свою предысторию. Ещё в начале 1800 г. боровские старообрядцы поставили на кладбище памятник, похожий на часовню. Это вызвало отрицательную реакцию в Калужской духовной консистории. Началось расследование (4). 22 июня 1800 г. епископ Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов) сообщал в канцелярию губернатора, что по сведениям Боровского духовного правления в Борисоглебском приходе Боровска на кладбище строится каменная часовня. Духовное правление просило городничего Уварова узнать, с чьего позволения идёт это строительство. Уваров письменно ответил, что направленные на кладбище для расспроса рабочих люди их на месте не застали, «да и дознаться по отдалённости кладбища от жилья не было возможности». Епископ Феофилакт просит губернское правление выяснить этот вопрос и запретить строить часовню (5). Оказалось, что боровчане Гаврила Петрович Кекишев, Иван Лукич Шукин на кладбище на могиле родителей поставили вместо старого деревянного голубца новый каменный на четырёх столбах. При его осмотре оказалось, что входить можно в голубец спокойно и он не походит на часовню, так как «часовни бывают таковые, что в них окна и запёртые двери и поставляются святые образа» (6).

Городничий Ларион Уваров и бургомистр Тимофей Шукин сообщали 28 июня 1800 г. в Калужское губернское правление, что ничего предосудительного не видят в построении ка-

**Количество старообрядцев, проживающих
в г. Боровске и уезде в первой половине XIX в.**

год	Боровский уезд (чел.)			источник
	город	уезд	итого	
1819	639	2005	2644	Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.32. Оп.19. Д.1204. Л.1, 12–17. 28–47, 225. ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1216. Л.2. Л.17–27, 64–80, 129, 192, 217. ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1217. Л.43, 143–173. ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1307. Л.238–239. ГАКО. Ф.32. Оп.19. Д.1442. Л.120–129. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Калужская губерния / Составил Генерального штаба подполковник М. Попроцкий. Ч.1. СПб., 1864. №267–270, 278–281.
1820	702	2044	2746	
1821	763	2044	2807	
1823	777	2972	3749	
1826	1009	1327	2336	
1857	994	1372	2366	

менной палатки на могиле родителей, и направляли в канцелярию чертежи, чтобы там сами решили, запрещать или нет строительство (7). Спорная постройка представляла собой простой памятник на четырёх столбах вышиной 3,5 аршина с промежутком между столбами в квадратную сажень и с оградкой между ними высотой в аршин; внутри на могилах лежали два камня, а посреди них стоял крест (8). Тем не менее 1 августа 1800 г. из Калужской духовной консистории последовала резолюция епископа Феофилакта «приказать чрез кого следует каменное строение на кладбище яко самовольно начатое и больше похоже на часовню нежели на памятник умершей... уничтожить и о последующем уведомить» (9). Памятник, судя по всему, был разобран, так как в последующих документах консистории сведений о нём нет (10).

Интересный комплекс материалов сохранился по строительству и сохранению часовни в Боровске за 1812–1817 гг. (11). Во время пребывания в Боровске войск Наполеона многие храмы города были сожжены и разорены, священнослужители оказались без крова и пропитания. 15 июня 1813 г. боровскими священниками было подано прошение архиепископу Рязанскому и Зарайскому Феофилакту (12) о том, что они не имеют средств к пропитанию. В прошении сообщалось, что «большая часть из лучших наших прихожан, от которых имели мы именно пропитание, удалясь от церкви, соединили секту и постановили, по разорении города, вновь в городе Боровске каменную часовню, которая также строится якобы по какому-либо дозволению начальства; но мы на сие никакого предписания не имеем» (13). Под прошением подписались: Борисоглебской церкви священник Алексей Иаковлев, дьякон Иоанн Афанасьев, пономарь Александр Григорьев; Троицкой церкви священник Иоанн Ар-

темьев; Рождественской церкви священник Иоанн Гаврилов, дьякон Никита Иларионов; Успенской церкви священник Харлампий Гаврилов, дьячок Матвей Васильев; Преображения Господня, что на взгорье, церкви священник Гавриил Семёнов, дьячок Алексей Семёнов (14).

30 июня 1813 г. епископ Феофилакт предписал Калужской духовной консистории рассмотреть прошения боровских священников о помощи, «а как свяшенно и церковнослужители в просьбе своей прописали, то обстоятельство сие предоставляю рассмотрению консистории, с тем чтобы о последствиях было донесено и Святейшему Синоду» (15).

12 июля 1813 г. из Калужской духовной консистории был послан указ в Боровское духовное правление об отказе священникам в материальной помощи, но с требованием от них письменных объяснений о строящейся старообрядцами часовне. 21 июля 1813 г. объяснение, составленное священником И. Артемьевым, было отправлено в Калугу: «кто именно строит в Боровске новую каменную часовню и чьих церковью они прихожане, он, священник Артемьев, не знает, а только видел, что для оной часовни на торговой площади закупал материал для постройки и отправлял к оной часовне боровский купец Семен Панфилов Санин — из числа людей оной секты, в приходе же он значится при Успенской градской церкви, часовня же сия состоит в Борисоглебском приходе, а между тем он, священник Артемьев, знает, что из прихода его нижеследующие записались в оную секту: купчиха вдова Авдотья Ивановна Тамилина с семейством; боровские купцы: 1-й Максим Дмитриев Глухарёв, 2-й Иван Федоров Безсчастнов с женою; мещане: 1-й Яков Васильев Глухарёв с женою, купец Хрысанф Федоров Голофтеев с семейством. Сверх сего, он, священник, замечает, что по примеру по-

ступивших в секту и другие многие прихожане приклоняются на одну с ними сторону, что видно из нехождения их в церковь» (16). Аналогично выглядела объяснительная священника церкви Преображения, что на взгорье, Гавриила Семёнова от 17 июля 1813 г.: «... знаю, что точно в Борисоглебском приходе отстраивается показанная каменная часовня, а кто оной строитель, того показать за отдаленностью мою чрез три прихода: Преображения Господня, что на торговой площади, которая причислена к Благовещенскому собору, равно и онога собора, а потом за рекою Протвой Троицкой, — а в четвертом Борисоглебском приходе, не знаю» (17). 21 июля священник Борисоглебской церкви Алексей Виноградов письменно показывал, что часовня строится и на ней «уже и купол совершается. Строение же оной часовни производят от всей секты обществом», в том числе и прихожане, числящиеся в Борисоглебском приходе: купцы Семён Гаврилович Молчанов, Алексей Лукич Срыпов, Макар Васильевич Молчанов, Иван Прокопьевич Пашутин, вдова Наталья Гавриловна Пашутина и Лука Павлович Карнеев с семействами (18). Под словами священника Алексея Виноградова подписались священник Рождественской церкви Иван Гаврилов и священник Успенской церкви Харлампий Гаврилов и приложили списки старообрядцев из своих приходов. В реестре по Борисоглебскому приходу у старообрядцев значатся 25 дворов, 134 человека (58 мужчин и 76 женщин); в Рождественском приходе — 29 человек (14 мужчин и 15 женщин); в Успенском приходе — 9 дворов, 38 человек (15 мужчин и 23 женщины) (19). В списке указаны потомственные боровские семьи Щукиных, Капыриных, Молчановых, Ждановых, Саниных, Провоторовых, Третьяковых.

Со строительством старообрядческой часовни Синод смириться не мог. 25 июля 1813 г. из Синода был послан указ в Калужскую духовную консисторию о необходимости уничтожения самовольно построенной часовни (20).

На 3 года дело по неизвестным причинам теряет актуальность и о старообрядческой часовне нет сведений. 6 октября 1816 г. епископу Калужскому и Боровскому Антонию (Соколову) вновь подаётся рапорт из Боровского духовного правления о том, что священники «боровских церквей не имеют полных причтов по причине бедного содержания, происходящего от раскольнической секты, умножающейся от оной часовни», а при часовне живёт и исполняет требы беглый священник. 13 октября 1816 г. Калужская духовная консистория спешит уведомить о боровской часовне губернское правление и ставит перед ним вопрос, чтоб часовня «без отлагательно времени была разобрана» (21).

17 октября 1816 г. епископ Антоний подаёт отношение губернатору Н.К. Омеляненко, о том, что в Боровске существует каменное здание часовни с куполом и крестом. Требы в часовне исправляет беглый священник. Епископ настойчиво просит принять меры к ликвидации часовни (22). Через несколько месяцев, 7 января 1817 г., епископ Антоний вторично обращается к губернатору с той же просьбой (23).

Как видим, епископ Антоний взял дело о боровской часовне под свой контроль. Но из рапорта священника Борисоглебской церкви Алексея Виноградова от 17 января 1817 г. видно, что часовня стоит, в ней по-прежнему совершается служба беглым попом и «к сей раскольнической секте со дня на день боровские жители более и более прислоняются и число оных раскольников умножается» (24). 7 и 9 марта 1817 г. священник А. Виноградов подаёт два рапорта епископу Антонию. В первом говорится о старообрядческом священнике, который совершает требы, и слышится тревога, так как «онный священник умершие тела из оной часовни провожать и погребать на кладбище ныне начал явным образом» (25). Во втором обращается внимание не только на действующую часовню, но и на то, что при ней уже построили дом для беглого священника и 4 дома для беглых женщин («малинниц»), а к самой часовне пристраивают деревянный придел (26).

Епископ Антоний не мог не отреагировать на рапорты боровских приходских священников. В апреле 1817 г. он пишет губернатору третье письмо с просьбой принять срочные меры против часовни (27). В четвёртом письме от 17 мая 1817 г. звучит тревога, что часовня не уничтожена, и вновь содержится просьба о немедленном её закрытии (28). Гражданские власти не торопились, поэтому 5 июля 1817 г. священник А. Виноградов вновь подаёт рапорт епископу Антонию (29), а епископ снова обращается к губернатору (30). 2 июля 1817 г. губернатор Н.К. Омеляненко отправляет письмо за №4634 епископу Антонию о принятых им мерах и соответствующих предписаниях боровскому городничему. Приводим письмо полностью:

«Преосвященнейший Владыко, Милостивый Государь и Архипастырь!

По почтеннейшим отношениям Вашего Преосвященства, которыми настоятельно изволили требовать об уничтожении в городе Боровске раскольнической часовни, я требовал от боровского городничего сведения, кто дозволил устроить сказанную часовню, равно дом беглому священнику и четыре дома для беглых женщин раскольнических? Он доносит, что часовни раскольнической в Боровске вовсе нет, а есть часовня старообрядческая, которая вы-

строена взамен существующей прежде бывшими в двойном окладе старообрядцами в согласность часовни Рогожского кладбища, в гор. Москве находящейся, которая и по ведомостям о старообрядцах и раскольниках, Министерству полиции отправленных, показана; пристройка же, сделанная к часовне, не есть придел церковный, а изба для сторожа, дома для священника их нигде в целом городе не выстроено, а когда приезжает из Москвы с Рогожского кладбища, имеет пребывание для отправления служб по их обряду у тех же боровских старообрядцев, четыре избы, а не четыре дома, выстроены близ часовни на дворе для самых старых и бедных вдов, не могущих работать, которые кормятся подаванием и которые почти все боровские и частью из уездов, но имеют виды; наконец заключает, что служба в часовне продолжается, как и прежде, но чтоб увеличилось число старообрядцев, того не видно.

В последнюю бытность мою в минувшем июне месяце в Боровске я сам осматривал часовню и находящиеся в ней строения: часовня сия каменная, не что иное, как храм моления по обрядам старообрядцев. Строение же при ней: одна большая деревянная комната, вновь к часовне пристроенная, в коей ещё тогда никто не жил, и четыре деревянных избы для престарелых женщин, каких я там нашёл шесть. Об основании часовни, по давнему оной учреждению, я не мог отыскать никакого положения, а теперь существующая выстроена в 1809 году, а по разорении города Боровска в 1812 году только обновлённая, прежде же была деревянная. Взяв в соображение вышеприведённые обстоятельства и Указ Правительствующего Синода 22 марта 1800 г., коим строго запрещено входить в сыски а паче в истязание, а наиболее держась силы Высочайшего именного данного в 8 день декабря прошлого 1816 года Херсонскому военному губернатору о духоборцах, я не осмелился сам собою приступить к уничтожению часовни в Боровске, а испрашиваю на сие разрешение от господина С.-Петербургского военного генерал-губернатора, управляющего и Министерством полиции, к которому 18 сего месяца и взнёс представление, дополнив, что по слухам, до меня дошедшим, боровские старообрядцы, коих по последним сведениям в граде считается 282 мужского и 332 женского пола душ, приискивают для себя священника.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего Преосвященства

Покорнейшим слугою Никита Омеляненко» (31).

29 июля 1817 г. епископ Антоний, не получив поддержки от светских властей, направ-

ляет рапорт в Синод. В рапорте он приводит сведения о часовне, сообщённые священником А. Виноградовым и губернатором Н.К. Омелянко. Он указывает, что перечисленные губернатором указы не в его компетенции рассматривать, но просит о закрытии часовни, так как более половины жителей тайно являются её приверженцами (32). Этот рапорт в Синод оказал противоположное действие на губернатора. 24 января 1818 г. он отправляет секретное письмо к епископу Антонию:

«Секретно.

Преосвященнейший Владыко,

Милостивый Государь и Архипастырь!

После отношения моего к Вашему Преосвященству от 23 июля 1817 года №4634, я получил от господина С.-Петербургского военного генерал-губернатора, управляющего и Министерством полиции, от 9 числа сего месяца №151 предписание, что Его Высочайшеуказанное по предмету часовни, построенной в Боровске, входил с запискою в Комитет господ министров, который из неоднократных Высочайших повелений насчёт учреждения раскольнических часовен, усмотрел, что правительство, не позволяя явным образом учреждать оные, терпело, однако же, всегда существование их и что сие подтверждено весьма не давним примером, а потому полагает: часовню в городе Боровске, как издавна существующую, оставить в настоящем состоянии, но вместе с тем подтвердить местным начальствам о строжайшем наблюдении, дабы вновь таковые заведения отнюдь не были учреждаемы.

Извещая о сём — честь имею быть с истинным почтением и преданностью Вашего Преосвященства

Покорнейшим слугою Никита Омеляненко» (33).

Указом Сената от 1 декабря 1818 г. за №1700 дано было знать в Калужское губернское правление, а последним в Калужскую духовную консисторию, что «раскольничьи часовни и богадельни, находящиеся в городе Боровске, оставить в настоящем положении, и при том подтверждено о строжайшем наблюдении, дабы вновь таковые заведения не были учреждаемы» (34). Ещё ранее, 22 декабря 1817 г., постановлением Комитета министров было разрешено «часовни в городах Чугуеве и Боровске, также и богадельные дома в Саратове, как издавна существующие, оставить в настоящем состоянии, уничтожив только главу в часовне в Чугуеве» (35).

По отчётам полиции каменная часовня в Боровске упоминается в 1821 г. (36).

В 1826 г. в Калужской губернии были собраны сведения обо всех молельнях, часовнях по уездам (37). Боровский городничий в

своём отчёте доносил: «в городе Боровске находится старообрядческая часовня одна, прочих же моленных не имеется» (38). В Боровском уезде имелись 4 моленные (39). Одна, беспоповцев-федосеевцев, располагалась в д. Коряково, при ней проживало 9 мужчин и 20 женщин. К этой моленной принадлежала ещё одна, расположенная в Высоковской слободе, там проживало 6 мужчин и 1 женщина. Третья и четвёртая моленные находились в вотчине графа Румянцева в д. Чуриковой и с. Тарутино; их посещало 909 человек разных сословий (370 мужчин и 539 женщин) и 430 помещичьих крестьян (150 мужчин и 280 женщин).

Господа Вседержителя, в середине — Живоначальной Троицы. Иконы в иконостасе располагались в пять ярусов. Было два клироса с иконостасами и хоругвями, на стенах иконы. Подсвечников находилось в достаточном количестве, имелись паникадило, люстра, было много священнических облачений, церковных сосудов, богослужебных книг. Размеры часовни были значительными. В алтаре она имела 4 x 12,5 арш., высота 7 арш. При часовне была паперть с венецианским окном (40).

Итак, мы видим, что попытки построить часовню боровские старообрядцы активно предпринимают с начала XIX в. Окончательно оп-

Покровский единоверческий храм. Фото 1950-х годов

Исследователь калужского старообрядчества И. Тихомиров, ссылаясь на документы 1828 г., считает, что боровская часовня была одной из самых старых в Калужской губернии. Боровский исправник кн. Гинглят в своём отношении в Боровское духовное правление в 1828 г. по делу о совершении в ней богослужения отмечал законность её существования. По его описанию, часовня представляла собой церковь: имела купол и главы. Внутри всё было как в храме: алтарь с царскими вратами, престол, жертвенник. В алтаре стоял престол; за столом — деревянный крест, по правую сторону его — двусторонняя икона с образом Пресвятой Богородицы и преподобного Пафнутия; по левую сторону — двусторонняя икона с образом Смоленской иконы Богородицы и Николая Чудотворца. Иконостас столярной работы, местами с колонками, окрашенный синей лакированной краской. В иконостасе царские двери столярной работы с иконами Благовещения Пресвятой Богородицы и четырёх евангелистов. Над царскими вратами сверху — образ

ределили место и построили её в 1809 г. В 1812 г. Боровск был сожжён французскими войсками, пострадала и часовня, которую активно начали восстанавливать. К 1817—1820 гг. боровские старообрядцы могли смело утверждать, что их часовня является «старой» и имеет право на существование.

Дальнейшая судьба боровского храма, который был отобран у старообрядцев и административным решением переведён в единоверческий храм, хорошо описана у И. Тихомирова (41). Имея легально свой храм (часовню) и проводя в нём службы, боровские старообрядцы решили официально закрепить это положение, не считаясь со сложившейся к этому времени внутренней политикой николаевской империи по отношению к старообрядцам. В 1838 г. боровские старообрядцы через уполномоченных К. Большакова, М. Капырина, Т. Второва и др. подали прошение наследнику Николаю I Александру об официальном признании у боровских старообрядцев храма. Прошение было отклонено и заставило губернное

**Покровский единовѣрчѣский храм.
Фото В.В. Легостаева. (14.09.2005)**

светское и духовное начальство обратить на старообрядцев г. Боровска особое внимание с целью обратить их в единовѣрие и лишитъ древней часовни. Епископ Калужскій и Боровскій Николай (Соколов) перешѣл к решительнымъ дѣйствіямъ. Он проситъ архимандрита Пафнутьева монастыря Геннадія воздействовать на боровскихъ старообрядцевъ. Это не принесло успеха: «... и объявили, что если не будетъ дозволено имѣть имъ священника по ихъ желанію и прошенію, поданному в 1838 г., в такомъ случаѣ за лучшее признаютъ оставаться безъ наличнаго при ихъ часовне священника, нежели подчинитъ себя священнику, опредѣленному духовною властью» (42). Несколько разъ призывались боровскіе старообрядцы на увещаніе к архимандриту, но каждый разъ безуспѣшно. Ходомъ дѣла интересовались Синодъ и калужскій губернаторъ. Вместо того, чтобы согласиться перейти в единовѣрие, боровскіе старообрядцы заявили: «1844 г. февраля 5 дня, мы нижеподписавшіеся города Боровска старообрядцы, призванные Его Преосвященствомъ Николаемъ, епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ, дали сію подписку в томъ, что высочайшая воля Его Императорскаго Величества, чтобы мы приняли единовѣрчѣскую церковь,

объявлена намъ и правила сей церкви Его преосвященство читалъ со внушеніемъ, но мы веру предковъ нашихъ стараго обряда по поповщинѣ оставить не желаемъ, потому что душевные чувства наши не согласны на перемену сію и потому что мы, преданные сердцемъ и душою Августейшему Государю, верные подданные и послушные законамъ и Его волѣ, желаемъ остаться по прежнему и пользоваться милосерднымъ Его указомъ 1822 года, подтвержденнымъ и в 1826 г., подобно какъ пользуются ими московское старообрядчѣское общество Рогожскаго кладбища и многие другіе. Подписали: купецъ Ефимъ Милюкинъ, купеческій племянникъ Иларіонъ Томилинъ, купецъ Никита Шукинъ, купецъ Семѣнъ Санинъ, купецъ Пѣтръ Чичкинъ, купецъ Иванъ Щербаковъ, купеческій сынъ Иванъ Рудаковъ, мещанинъ Григорій Чичкинъ, мещанинъ Григорій Овчинниковъ, купецъ Михаилъ Мурамцевъ, купеческій братъ Иванъ Санинъ, купецъ Захаръ Капыринъ, купецъ Иванъ Девятковъ» (43).

Боровскому священнику Беляеву больше повезло в дѣлѣ обращенія некоторыхъ старообрядцевъ в единовѣрие. Какіе убѣжденія и средства онъ применялъ — неизвѣстно, но ему удалось убѣдить перейти в единовѣрие 11 человекъ. Это была в основномъ семья купца 3-й гильдіи Фѣдора Ефимовича Санина. В Боровскѣ ходила поговорка «Фѣдоръ Санинъ не богатъ, да славен!» 15 февраля 1844 г. имъ было подано прошеніе об открытіи в Боровскѣ единовѣрчѣской церкви. В прошеніи, кроме изъявленія желанія перейти в единовѣрие, онъ писалъ: «Почему весьма удобно нынѣ существующую в Боровскѣ часовню, именуемую старообрядчѣскою, освятитъ священниками в благословенную церковь» (44). «Такимъ образомъ, — восклицаетъ И. Тихомировъ, — боровскіе раскольники поповщинскаго согласія, вместо полной свободы в отправленіи богослуженія, о чѣмъ они дерзко ходатайствовали передъ государемъ наследникомъ, достигли того, что былъ поставленъ на очередь вопросъ об отобраніи у нихъ часовни и обращеніи еѣ в единовѣрчѣскую церковь» (45).

Епископъ Николай обратился в Синодъ с докладомъ, в которомъ подробно изложилъ ход дѣла и в заключеніе предложилъ принять слѣдующіе меры для окончательнаго решенія этого вопроса: «1) боровскую каменную раскольническую часовню, имеющую престолъ, царскіе врата, главу, крестъ и прочіе подобныя принадлежности и вообще видъ церкви, освятитъ в единовѣрчѣскую церковь, в томъ предложеніи, что боровскіе раскольники, по упраздненіи ихъ часовни, рано или поздно должны будутъ присоединиться или къ церквамъ православнымъ приходскимъ, или къ церкви единовѣрчѣской, каковую необходимость и сами заранее видятъ и говорятъ о ней, какъ доходятъ до меня о

том частные слухи; 2) часовню сию принять по описи со всею ее утварью, иконами и прочими принадлежностями от попечителей ее церковному старосте, который будет избран вместе с причтом; 3) чего не будет доставать для предполагаемой боровской единоверческой церкви из ризничных вещей и церковно-богослужбных книг, то заимствовать на время из здешней Калужской единоверческой церкви; 4) определить к сей единоверческой церкви, как на первый раз малоприходной, одного священника и одного дьячка и ходатайствовать впредь до усмотрения об окладе из казны с назначением священнику 90, а дьячку 36 р. сер. в год; 5) когда из боровских раскольников, за присоединением из них к православию или единоверию, иные останутся не присоединенными ни к первому, ни к последнему, то просить гражданское начальство ограничить свободу сих упорных людей принимать в свои дома проезжих раскольнических попов для совершения треб, воспретив также венчаться и крестить младенцев в Московской Рогожской и в Тульской раскольнических часовнях, а покойников выносить и погребать днем с некоторой торжественностью, что все ими делается почти без всякого препятствия со стороны их начальства» (46). 13 января 1846 г. Синод получил согласие Николая I на создание в Боровске единоверческого прихода. Началось противостояние боровских старообрядцев светской и духовной властям. Чтобы не вызвать волнения в Боровске, боровские старообрядцы готовы были для единоверцев построить новый храм взамен разрешения им оставить за собой опечатанную моленную. 21 апреля 1846 г. боровский купец 3-й гильдии Хрисанф Головтеев и Кузьма Большаков подали такое прошение за 50 подписями на имя Николая I (47).

13 марта 1846 г. в Боровск прибывает сам губернатор Н.М. Смирнов, который в присутствии 3 единоверцев передал старообрядческий храм со всею утварью священнику Покровскому. 14–15 марта священник Покровский сделал опись храма и его имущества и передал всё это вновь избранному старосте Ф.Е. Санину. До освящения храм был опечатан и боровскому городничему Чепелевскому приказано его активно оберегать и защищать.

1 июня 1846 г. калужскому губернатору было предписано более основательно разобраться с письмом Х. Головтеева и К. Большакова, а боровским старообрядцам объявить, чтобы они больше таких прошений на имя Николая I не посылали. В течение июля–октября 1846 г. городничим это решение было объявлено боровским старообрядцам и взята с них расписка. «Успокоив» административными мерами боровских старообрядцев, нужно

было торопиться с переосвящением часовни в единоверческий храм. К июлю 1846 г. относился переписка между епископом Николаем и настоятелем Пафнутьев-Боровского монастыря архимандритом Геннадием о том, почему не исполнено высочайшее повеление от 13 января об открытии единоверческой церкви в Боровске. Архимандрит Геннадий обратился за разъяснением к старосте церкви Ф. Санину. Тот ответил, что священник избран, причётники будут избраны священником, «что же касается до того, что церковь по сие время не готова к освящению, то это от того, что многих вещей, необходимых для богослужения, как-то: колоколов, сосудов для священнодействия, старопечатных книг, одежд на престольных и прочего — по скорости невозможно было приобрести. Ныне все сии вещи хотя и приобретены, но недостаточно ещё самых необходимых книг — Миней Месячных, — за которыми он, Санин, без промедления намерен отправиться в Москву. При том не имеется ещё и антиминса древнего, без которого невозможно приступить к освящению церкви» (48). Наконец всё было улажено и 1 декабря 1846 г. состоялось освящение единоверческой церкви «при наблюдении местного начальника губернии, с военным церемониалом, при многочисленном собрании правочерных богомольцев гор. Боровска и усердствующих». А в это время старообрядцы в количестве 300 человек стояли вокруг ограды. Им пришлось подчиниться государству. Но постройки, которые стояли на церковной земле, принадлежали старообрядцам, и они их забрали.

Началась новая история храма — единоверческого Покрова Пресвятой Богородицы. Приход единоверцев состоял из 37 человек. По прошествии нескольких десятилетий единоверие в Боровске не расширилось. В 1872 г. священником церкви был Козьма Скворцов, церковь была каменная, холодная, с тёплым приделом во имя зачатия св. Анны. Приход состоял из 12 дворов (29 мужчин и 24 женщины) (49). Положение не изменилось и к концу столетия. В 1898 г. в единоверческом храме Покрова насчитывалось всего 39 прихожан. Сам храм был ветхим и разрушался. Единоверие, навязанное административным методом Синодом и Сенатом в Боровске, оказалось чуждым религиозным убеждениям верующих и не прижилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Моленная или часовня на протяжении двух столетий являлись основными культовыми зданиями у старообрядцев. *Моленная, или молитвенный дом* — 1) здание, в котором совершают

свои богослужения иноверцы или раскольники и 2) у православных — особые дома, в которых за неимением храма разрешается совершать литургию на переносном антиминсе (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. Репринт. М., 1992. С. 1586). **Часовня** — здание, увенчанное обычно крестом, в котором могут быть совершаемы богослужения, кроме литургии, последняя может быть совершаема на переносном антиминсе. Часовни устраиваются на кладбищах, при селениях, на площадях как для религиозных потребностей, так и в ознаменование каких-либо важных в церковном отношении событий. В царствование Петра I последовало запрещение строить часовни ввиду особенно того, что раскольники тайно могли в них совершать богослужение. Но явная нужда в них привела к отмене этого запрещения. Часовни должны быть непременно приписаны к какой-либо церкви (Там же. С. 2357).

2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 19. Д. 371. Л. 392.

3. Там же. Л. 426.

4. Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 530; Тихомиров И. Раскол в пределах Калужской епархии. Калуга, 1900. С. 36.

5. ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 530. Л. 1.

6. Там же. Л. 5.

7. Там же. Л. 1.

8. Тихомиров И. Указ. соч. С. 36.

9. ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 530. Л. 6.

10. Законами от 10 июня 1734 г., 21 июня 1734 г., 21 июля 1768 г., 1 апреля 1772 г. строительство моленных запрещалось. Указом от 17 сентября 1826 г. старообрядческие церкви, часовни и молитвенные дома, построенные до указа, оставались в том же положении, в каком они есть, но их было запрещено ремонтировать или переделывать. Указ от 5 июля 1827 г. повторно запрещал ремонтировать или переделывать культовые сооружения старообрядцев.

11. Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. Ч. 1. Калуга, 1912. Отдел: Материалы для истории войны 1812 года, извлеченные из архива Калужской духовной консистории (доставлены Д. С. Соколовым). С. 160–192.

12. Управлявший Калужской епархией с

1809 г. епископ Евлампий (Введенский) 16 апреля 1813 г. скончался, новый епископ Евгений (Болховитинов) был назначен на калужскую кафедру в июне 1813 г. Архиепископ Рязанский Феофилакт, который управлял Калужской епархией в 1800–1809 гг. и был, таким образом, знаком с её довоенным состоянием, был направлен Св. Синодом в Калужскую епархию в 1813 г. для сбора сведений о церковных разрушениях и выдачи пособий пострадавшим священноцерковнослужителям.

13. Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. С. 160.

14. Там же. С. 161.

15. Там же. С. 157.

16. Там же. С. 164.

17. Там же. С. 165.

18. Там же. С. 166.

19. Там же. С. 166–167, 168.

20. Там же. С. 170.

21. Там же. С. 172.

22. Там же. С. 174.

23. Там же. С. 176.

24. Там же. С. 175.

25. Там же. С. 179.

26. Там же. С. 177.

27. Там же. С. 178.

28. Там же. С. 179–180.

29. Там же. С. 181.

30. Там же. С. 182.

31. Там же. С. 183–184.

32. Там же. С. 177–189.

33. Там же. С. 190.

34. Там же. С. 191–192.

35. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 53–54.

36. ГАКО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 1217. Л. 143.

37. Там же. Д. 1441. Л. 1–75.

38. Там же. Л. 17.

39. Там же. Л. 44.

40. Тихомиров И. Указ. соч. С. 38–40.

41. Там же. С. 135–148.

42. Там же. С. 139.

43. Там же. С. 140.

44. Там же. С. 141.

45. Там же. С. 142–143.

46. Там же. С. 143–144.

47. РГАДА. Ф. 1198. Оп. 2. Д. 5130. Л. 3–4.

